

Пролог

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН

Покойник выглядел необыкновенно презентабельно.

Он лежал посреди комнаты на кровати, накрытый двумя покрывалами, белым и черным, руки его были сложены на груди, глаза закрыты, челюсть подвязана, чтобы не отпала и не испортила ощущения общего благолепия. Желтоватое лицо умершего, впрочем, составляло ощутимый контраст с внешним благообразием: оно было перекошено болью и страхом — очевидно, смерть его оказалась мучительной. Да и какой еще могла быть смерть человека, которого задушили тонким шнурком, о чем ясно говорила красно-коричневая странгуляционная борозда.

— Ассасины какие-то, — пробурчал старший следователь Орест Волин, отходя от кровати к двери и окидывая комнату быстрым взглядом. — Тебе не кажется, что во всем этом есть что-то странное?

— Не то слово, — с охотой отвечал судмедэксперт Загонов, чьи розовые младенческие щеки плохо сочетались с окладистой черной бородой. —

В первый раз вижу, чтобы убийца так заботился о жертве. Он же явно приготовил покойника к погребению.

Волин недовольно поморщился: речь не о том, хотя и это, конечно, весьма своеобразно. Но еще более странным казалось ему, что покойник лежит на кровати, а кровать...

— ...Стоит на полу, — догадливо подхватил Загонов.

Кровать стоит на полу, согласился следователь, потому что ни на потолке, ни на стене стоять она не может — об этом позаботился Исаак Ньютон, открывший в свое время закон всемирного тяготения. С тех пор все, что не стоит на земле или на полу, рано или поздно на них падает. И да, в их случае кровать стоит на полу, но вопрос не в этом. Вопрос в том, как именно она стоит?

Загонов посмотрел на кровать с покойником и, по свойственной всем судмедэкспертам привычке сразу проникать в суть вещей, отвечал:

— Криво стоит кроватушка.

Волин поднял палец: совершенно верно, господа присяжные заседатели. Кроватушка стоит криво, но почему, дамы и господа, она так стоит?

— Так поставили, — не смутился великолепный Загонов. — У хозяина был плохой глазомер.

Однако эту блистательную версию Волин опроверг. Во-первых, сказал он, даже с очень плохим глазомером можно ошибиться градусов на десять, не больше, а тут кровать стоит под углом в сорок пять градусов по отношению к стене. Во-вторых, раньше она стояла прямо — на полу остались следы от того, что ее передвигали.

— Наверное, в ходе борьбы сдвинулась, — предположил Загонов. — Жертва сопротивлялась удушению и сдвинула кровать.

Следователя, впрочем, не устроила и эта версия. Жертва не могла сопротивляться, потому что, судя по всему, на кровать ее укладывали уже мертвой. Из этого можно сделать вывод, что кровать, скорее всего, криво поставил убийца. И, если подумать, в этом, вероятно, есть какой-то символический смысл. Вот только думать Волину что-то мешало. Что-то назойливое и прилипчивое. Пару секунд он пытался понять, в чем же проблема, и наконец догадался — все дело в непривычных звуках. Мелодичные, но несколько заунывные напевы наполняли комнату, отвлекали его и сбивали с мысли.

— Выруби ты свой смартфон, — попросил он Загонова. — Музыка мешает.

Загонов удивился — его смартфон тут вообще ни при чем, а музыка вон откуда идет. И судмедэксперт ткнул пальцем в небольшой цифровой проигрыватель, который стоял на тумбочке рядом с кроватью.

— Кто его включил? — сурово осведомился Волин.

Выяснилось, что никто не включал — проигрыватель уже работал, когда они прибыли на место преступления. И это было любопытно.

— Любопытно — не то слово, — согласился старший следователь, прислушиваясь к напевам. — Как думаешь, какой это язык?

— Турецкий, наверное. Или арабский, — пожал плечами судмедэксперт. — Короче, что-то сильно восточное.

Главным специалистом в Следственном комитете по всему сильно восточному был подполковник

Мустафа Алиев, в молодости закончивший Институт стран Азии и Африки. Послушав напевы через трубку телефона, он уверенно сказал:

— Это Коран. Сура тридцать шестая, «Йа Син». А что это вы, братцы, вдруг взялись за Священное писание?

Волин отвечал, что взялись они не сами, а исключительно волею пославшего их начальства. Узнав, что сура исполнялась рядом с телом покойного, подполковник Алиев присвистнул.

— Интересно, — сказал он. — Дело в том, что у шиитов тридцать шестая сура читается умирающему. Таким образом, покойник ваш не только мусульманин, но и, скорее всего, шиит. Или шиит тот, кто его убил.

— И что это нам дает? — спросил Волин.

— Откуда мне знать, это ж твое расследование, не мое, — отвечал Алиев и повесил трубку.

Загонов смотрел на Волина с сочувствием. Так оно всегда и бывает — обнаружится что-то необычное, а зачем и к чему оно — один Аллах знает.

— Ладно, — сказал Волин хмуро, — пора бы осмотреть квартиру.

— Осмотри сначала это, — посоветовал судмедэксперт и кивнул на большую коробку в углу. Когда следователь осторожно открыл коробку, глазам его представилось нечто невиданное — а именно небывалых размеров старинный Коран.

* * *

— В каком смысле — Коран? — не понял полковник Щербаков.

— В прямом, товарищ полковник, — молодеж- вато отвечал Волин. — Тот самый, который был дан пророку Мухаммеду.

— Хочешь сказать, его сам Пророк написал? — не поверил Щербаков.

— Не совсем, — покачал головой следова- тель. — Мухаммед, как известно, был неграмот- ный, писать не мог, зато мог пересказывать.

Тут пришлось пуститься в некоторые объясне- ния — специально для начальства. По словам Волина, которые подтверждает и подполковник Алиев, и вся современная наука, Коран диктовал Мухаммеду не кто иной, как архангел Гавриил. И уже после этого Пророк пересказывал надикто- ванное своим соратникам, которые и записывали божественное откровение. Зять пророка Мухам- меда, третий халиф Усмáн, в VII веке собрал записи в одну книгу, выбросив те, которые казались ему сомнительными. Именно эта книга и стала счи- таться правильным Кораном, который чтит сейчас весь мусульманский мир. Всего при жизни халифа Усмана существовало шесть экземпляров великой книги. Пять разошлись по свету, а один остался у самого халифа. Согласно преданию, халиф был убит, как раз когда он читал свой экземпляр, и его кровь обагрила страницы священного фолианта. Именно этот окровавленный Коран и считается самым известным, это одна из великих святынь мусульманского мира.

— И ты, значит, его нашел при осмотре места преступления? — перебил полковник.

— Не так, чтоб буквально его, — скромно отве- чал Волин. — Вообще-то сам Коран Усмана хранит-

ся в Узбекистане, в Ташкенте. Но в начале XX века, еще при Николае Втором, с оригинального свода были сняты пятьдесят копий. Они тоже разошлись по миру, но несколько экземпляров до сих пор хранятся в России. Есть копии в Государственном музее истории религии в Петербурге, один Коран находится в канцелярии Санкт-Петербургской Соборной мечети, один — в Центральном духовном управлении мусульман России.

— Понятно, — кивнул полковник несколько разочарованно, — выходит, ты нашел копию.

— Да, я нашел копию, — согласился Волин, — вот только не могу понять, какую именно. Я связывался с Петербургом и с Духовным управлением мусульман России — их экземпляры на месте. Очевидно, убийца украл какую-то неизвестную копию, причем копию, неизвестную даже ученым.

Отличие найденной Волиным копии, по его словам, состояло в том, что она точно повторяла оригинал, вплоть до того, что на ней были такие же следы крови, которых на копиях начала XX века не было и быть не могло.

— Так, может, это все-таки подлинник? — спросил полковник.

— Очень интересная версия, — оживился Волин. — Тем более что подлинник сейчас как раз находится в России. В Питере проходит Второй Международный конгресс «Культурное наследие Узбекистана — путь к диалогу между народами и странами». В рамках этого конгресса узбеки как раз экспонируют Коран, обогранный кровью халифа Усмана.

— А это правда его кровь? — с некоторым, как показалось Волину, суеверным ужасом спросил полковник.

— Вопрос темный, — уклончиво отвечал старший следователь. — Верующие считают, что да. Ученые же полагают, что кровь была нанесена уже после смерти халифа. Но для нас это не так важно. Книга все равно древнейшая и ценнейшая. Вот только оригинальный Коран сейчас на выставке в Питере, я уточнил. А у нас здесь копия непонятного происхождения, в отличие от всех остальных, полностью идентичная оригиналу. И к копии этой прилагается труп неизвестного. В общем, теорема Ферма на религиозно-криминальной почве.

С минуту, наверное, полковник думал, наморщив лоб и бесшумно шевеля губами. Потом остро глянул на подчиненного. А что, спросил он, этот Коран Усмана и правда ценная штука? Волин отвечал, что, по его мнению, ценность его не уступает «Джоконде» Леонардо да Винчи. Вот только «Джоконда» — просто произведение искусства, пусть и очень ценное, а наш фолиант — это необыкновенной значимости духовная святыня.

— Тогда версия такая, — сказал Щербаков решительно. — Кто-то заказал похитить Коран Усмана во время конгресса в Питере. Вор украл книгу, привез ее в Москву. И тут, скорее всего, они не сошлись с заказчиком по деньгам, и заказчик просто грохнул вора, а книгу забрал так, без денег.

— Хорошая версия, — заметил Волин, — все подходит, кроме одного: никто Коран не забрал, он остался при убитом.

Полковник крякнул.

— Может, убийца просто его не нашел? — предположил он неуверенно.

Волин только головой покачал: не найти его было невозможно — квартира пустая, а сама книга лежит прямо в комнате. И это не иголка в стоге сена, а огромный толстенный том. К тому же, как они знают, при убитом был не подлинный Коран, а копия, пусть и старинная.

Щербаков почесал затылок.

— Тогда что выходит — случайное убийство, не связанное с похищением?

Волин скорчил скептическую физиономию. Случайное убийство тут точно не подходит. Убитого обрядили в похоронный костюм, положили головой к Мекке, запустили запись тридцать шестой суры, которая у шиитов связана с похоронным обрядом. Но Коран почему-то не взяли. По мнению Волина, все это очень похоже на какую-то демонстрацию...

— Ну, какая демонстрация, при чем тут демонстрация, — поморщился полковник. — Не суй ты здесь политику, у нас демократическая страна, у нас не может быть никаких демонстраций, потому что все права и свободы гражданам и так достаются совершенно бесплатно, по первому требованию.

Волин только отмахнулся — демонстрация не в смысле прав и свобод, а в смысле... ну, показательных действий, что ли. То есть такие своеобразные понты. Убили, а потом обрядили по всем правилам — типа, никуда не спешим и ничего не боимся, а другим впредь будет наука.

— Странно это все, — пробурчал полковник. — И страннее всего, что копию все-таки не взяли. Если книга все равно в руках, почему не забрать?

Следователь тонко улыбнулся. У него на этот счет вот такая теория. Заказчик надеялся, что у него окажется именно подлинный Коран Усмана, привезенный в Петербург из Ташкента. Но реликвию так охраняют, что украсть ее — гораздо сложнее, чем украсть тоже ценную, но все-таки копию. Вероятно, вор смог украсть только копию. Для убедительности он нанес на страницы копии краску, похожую на кровь...

— И попытался всучить ее заказчику вместо подлинника? — спросил полковник. — Ай молодец! Один вопрос: заказчик что — дурак и не отличит копию от оригинала?

Волин отвечал, что заказчик, может быть, просто криминальный человек, а не искусствовед. К тому же для тщательного исследования и атрибуции Корана нужно время. Видимо, на это и рассчитывал вор. Но увы, просчитался. Заказчик сразу раскусил его и отправил на тот свет. Притом с демонстративной помпой.

Полковник покивал: версия хорошая. Одно непонятно — чего ж заказчик копию не забрал, она ведь тоже ценная?

Ценная, но не слишком, отвечал Волин. Вообще-то для правоверного любой текст божественного откровения священен, хоть даже и на газетной бумаге напечатанный. Но Коран Усмана — это особенная духовная реликвия. И брать вместо нее копию — это то же самое, как, например, взять вместо «Джоконды» репродукцию, пусть даже

очень хорошую. Заказчика интересовал именно оригинал, остальное ему не было нужно. Может быть, именно поэтому похитителя, который пытался заказчика обмануть, и наказали так жестоко, так демонстративно.

Полковник помолчал, потом поднял глаза на Волина.

— Ну, что ж, — сказал он, — что копию нашел, хвалю. Осталось решить два вопроса. Первый — выяснить, что это за копия такая и куда ее теперь девать. И второй, главный — отыскать убийцу. Записи с видеокамер у дома изъяли?

— Изъяли, — кивнул Волин, — буду работать. Правда, дом большой и народу там ходит много, так что потребуется некоторое время.

— А вот времени у тебя, милый друг, нет никакого, — отвечал полковник неожиданно жестко. — Убийца, скорее всего, иностранный гражданин. А это значит, что он в любой момент может отбыть за границу. И там уж нам его искать будет затруднительно... Так что давай, Орест Витальевич, веди расследование в срочном порядке.

Волин нахмурился: а если убийца уже выехал за кордон? И такое может быть, согласился полковник. Но вряд ли. Заказчик рассчитывал получить подлинный Коран Усмана. А такую ценность турист в чемодане за границу не вывезет. Тут пришлось бы дипломатическую почту задействовать. Так что вполне может быть, что он заранее билета и не купил. Может, он еще тут и думает, как бы ему все-таки подобраться к книге. И вот это-то время он, Волин, должен использовать максимально продуктивно.

— Легко сказать: максимально продуктивно, — злился Волин. — Особенно когда времени дадено с гулькин хрен, то есть вообще нету!

Старший следователь сидел в гостиной у давнего своего знакомого, историка спецслужб генерала Сергея Сергеевича Воронцова, к которому явился за советом. Жалобы на жизнь он запивал чаем и заедал любимым воронцовским печеньем. Генерал, несмотря на свои девяносто без малого лет, по-прежнему сохранял ясность ума и величайшее хладнокровие.

— Ты, Орест Витальевич, не паникуй раньше времени, — сказал он задумчиво. — Тут требуется как следует поразмыслить.

— Только этим и занимаюсь круглосуточно, — огрызнулся Волин, — а толку чуть.

— Значит, надо поразмыслить еще и еще раз, — отвечал Воронцов, седые брови его сосредоточенно насупились.

Они умолкли на пару минут, каждый, видимо, думал о своем. Наконец Воронцов глянул на Волина и спросил, посмотрел ли он записи с камер видеонаблюдения? Тот отвечал уныло, что посмотрел, но одного просмотра тут мало, тут надо анализировать, а на это времени нет.

— Ну, во-первых, особое внимание надо обратить на иностранные физиономии, — сказал Воронцов. — Речь о мусульманах, следовательно, это должно быть что-то среднеазиатское, кавказское, турецкое, арабское и все в таком роде.

Волин хмуро кивнул — это он понять может. Вот только даже за отсмотренный период в дом вошли